
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЦИИ

Владимир Куликов
(г. Тула)

В ЭТОТ ДОМ МНЕ ЛЕГКО ПРИХОДИТЬ

Раз увидев его — запоминаешь надолго. Он приметен не только в этой части города, но выделяется среди собратьев «лица необщим выраженьем», входит в список зданий-памятников, составляющих понятие «облик города», и уже потому известен многим тулякам, тулянам (как модно стало называть жителей города Тулы). Если уместно высказать свою точку зрения по данному вопросу, то к проживающему на территории Тулы более, как мне кажется, применимо определение — туляк, а для живущих на территории тульщины или тульской земли, тульского края более применимо — туляне. Пользуясь этими определениями, надо осознавать, что «тулянин» более общее определение, чем «туляк», то есть житель Тулы может называться как туляком, так и тулянином, а вот проживающий на территории нынешней Тульской области туляком называться не может. Впрочем, это всего лишь мои рассуждения или, если хотите, предложения... Я себя считаю тулянином, а более — туляком в седьмом поколении, поскольку предки мои по отцовской линии — выходцы из села Куликово, что на краю Куликова поля. Так поведала мне моя тетька, сестра моего отца — Надежда Сергеевна Куликова (в замужестве — Волкова) незадолго до своей кончины.

Дом, о котором ниже пойдет речь, находится на улице Каминского, (прежде Площадной), числится под номером 51. Ныне здесь размещается правление тульской организации (отделения) Союза писателей России и Фонд поддержки творческой интеллигенции. В народе чаще слышишь — Дом творчества. Зданию более сотни лет и оно имеет интереснейшую историю. Только перечень имен, проживавших в нем вызывает трепет. Этот дом-особняк связан с именами командира крейсера «Варяг» В. Ф. Руднева, писателя В. В. Вересаева, видного партийного и государственного деятеля Г. Н. Каминского, первого военкома Тульской губернии Д. П. Оськина.

У Викентия Викентьевича Вересаева (4.1.1867, Тула — 3.6.1945, Москва) (как известно, Вересаев — псевдоним, настоящая же фамилия писателя — Смидович), в его воспоминаниях о тульском периоде жизни есть строки об обитателях этого дома, где проживали сестры Конопацкие, к одной из которых он был неравнодушен. Сестер было трое — Люба, Катя, Наташа — и, как он сам признавался, был влюблен во всех сразу и безраздельно, но, тем не менее, одну из них — Катю — выделял больше.

Эта его юношеская, а точнее подростковая влюбленность относится ко времени его учебы в тульской классической гимназии, то есть к концу семидесятых годов XIX столетия. Этому предшествовало сближение семей Смидовичей и Конопацких, у которых были общие польские корни.

Глава семейства — Адам Николаевич Конопацкий — был инспектором училищ губернии. Его жена и мать девочек — Мария Матвеевна — держала школу и пансион, готовила «подготовишек» — мальчиков и девочек для дальнейшего обучения в гимназиях и реальной школе.

Мой давний знакомый и добрый мой просветитель, наставник в вопросах краеведения, человек поистине энциклопедических знаний, с завидной, несмотря на возраст, памятью, хранящей сотни, тысячи имен, дат, событий, наш краевед № 1 (как про себя мы, краеведы, его величаем) — Вячеслав Иванович Боть (а я сравнительно близко был знаком и часто общался с покойными краеведами Вадимом Николаевичем Ашурковым, Владимиром Николаевичем Уклеиным, Николаем Александровичем Милоновым, Ростиславом Романовичем Лозинским, Венорием Матвеевичем Рудневым, Сергеем Андреевичем Рассадневым, Станиславом Дмитриевичем Ошевским, а также ныне здравствующими Владимиром Васильевичем Пеньковым, Аркадием Аркадьевичем Петуховым, Галиной Петровной Присенко, Гавриилом Михайловичем Чудновым, Игорем Николаевичем Юркиным и многими другими ведами Тульского края и по этой причине могу с полным основанием подтвердить это закрепившееся за ним определение — краевед № 1) к тому, что я знал уже об этом доме и людях, связанных с ним, дополнил мои познания некоторыми интереснейшими деталями, дотоле мне неизвестными, а также воскресил в моей памяти некоторые факты и события. Например, что в семье Смидовичей было одиннадцать детей, в то время как С. А. Рассаднев в своей книге «Доктор В. И. Смидович» называет только девять, где Викентий упоминается вторым. В семье Конопацких детей было четверо: три девочки и мальчик.

В первое время, когда семьи стали общаться, Викентий Викентьевич отмечает, что скорее для них, детей, это было общение неинтересное, более навязанное родителями. Девочек же он «заменял» и открыл для себя заново в рождественские каникулы 1880-го, когда ему было 12 лет и он учился в 4-м классе гимназии.

В одну из первых встреч во время каникул в доме Конопацких, в зале, самом большом помещении дома, называвшемся хозяевами просто и более уместно гостиной, они веселились и часто танцевали вальс. Викентий приглашал их всех по очереди. Вечер был чудесный, настроение приподнятое. Он отметил, что старшая из них — Люба — вблизи (в танце) несколько грузновата, с жестким корсетом под тканью облегающего платья, а на расстоянии — настоящая красавица с темной косой до самого пояса. Средняя — Катя — лицом чудного матового тона с улыбкой Моны Лизы, с рыжими волосами, заплетенными в косы, обрамляющими ее голову в виде короны. Вальсируя и веселясь, он сказал ей: — Буду называть — золотая рыбка! Младшая из них — Наташа, блондинка. Он отметил, что все они по-своему хороши. В дальнейшем это чувство закрепилось, но отметил он и то, что Катя как-то более к нему расположена. Именно она при расставании в тот вечер, при всех пригласила придти на следующий день, что поддержали и другие. И встречи были продолжены и длились эти веселые и радостные мгновения до конца каникул...

В греческой мифологии встречается Мнемосина — одна из жен Зевса — родившая ему девять дочерей — покровительниц искусств, поэзии, истории, наук. Их называли Музами. Одна из них — Клио — муза истории имеет к нам всем, пожалуй, наибольшее отношение, поскольку каждый человек, кто бы он ни был, в той или иной степени имеет самое непосредственное отношение, соприкосновение и даже определенную зависимость, ибо приходит он в мир не на пустынное место, а возде-

ланное предшествующими поколениями пространство совместного бытия, и уходит из него, внося свою лепту, лепту в историю своего рода, своей земли, края, лепту в историю всего человечества. Так все мы взаимосвязаны и взаимозависимы. Так было всегда, так есть и так будет.

И если представить историю как определенную сферу человеческой деятельности, то есть как описание и объяснение событий, происходящих вокруг в каждый момент, в каждый период времени, то, безусловно, история как повествование о нас самих будет тем правдивей и точней, чем объективней будут те, кто берет на себя смелость и обязанность отражения событий своего времени, а по сути — бремя историка. И если писатель, в художественной форме отражающий жизнь и события, может себе позволить некоторые вольности и даже фантазию, то историк, а равно с ним и краевед, не может отражать непроверенные, необоснованные факты и события. Постараюсь и я следовать этому правилу.

Пожалуй каждому туляку, интересующемуся историей города, известен дом на улице Гоголевской (бывшей Верхне-Дворянской), где жили Смидовичи. ныне здесь размещается литературный музей имени В. В. Вересаева. В этом доме (№ 82) в 1873 году Елизавета Павловна — мать Викентия — открыла первый в городе детский сад для девочек и мальчиков, а затем элементарную школу для детей 7—11 лет.

Вот как писатель отозвался об улице в своих воспоминаниях. «Тихая Верхне-Дворянская улица... Одноэтажные особнячки, и вокруг них — сады. Улица почти на краю города, через два квартала уже поле... Внизу, в котловине, — город. Вечером он весь в лиловой мгле, и только сверкают под заходящим солнцем кресты колоколен» (Вересаев В. В. Воспоминания. — М., 1948).

Викентий, выходя из дома, сворачивал налево и спускался по Старо-Дворянской (ныне — Бундурина) до Площадной (ныне — Каминского), сворачивал за угол и «с душевным трепетом» входил в дом Конопацких. «Очень большая, — писал он — темная гостиная с полированными деревянными восьмигранными колоннами. Колонны на середине высоты охвачены венками из резных дубовых листьев (ныне — утрачены — В. К.). Стрельчатые окна; сверху их — разнообразные мелкие стекла: синие, красные, зеленые, желтые». Когда Конопацкие съехали и куда, неизвестно.

Позднее дом перешел во владение купца Черемушкина, который несколько перестроил его, но в чем заключалась эта перестройка, точно установить не удалось. Известно только, что вплоть до Октябрьской революции в доме проживала вдова Черемушкина со своей дочерью.

Известно также, что в этом доме жили Рудневы. Об этом факте С. А. Рассаднев в своей книжке «Прогулки по улицам Тулы» (Тула: изд. дом «Пересвет», 2003) упоминает так: «В какие-то годы здесь жили Рудневы, сын и невестка легендарного командира крейсера «Варяг»... На что «краевед № 1» в приватной с ним беседе уточняет, что приехали сюда жить в 1916 году (очевидно снимая площадь у Черемушкиных — В. К.) вдова Всеволода Федоровича Руднева с сыновьями: средним — Георгием и младшим — Пантелеймоном, но жили недолго. После февральской революции 1917-го приехал к ним старший сын — Николай, служивший до той поры в Алексинском уезде, и все вместе они уехали в Севастополь, где и провели более двух лет, с 1917 по 1919-й. Позднее об этих событиях Николай написал в своих воспоминаниях.

В 1918 году в одной из комнат (предположительно — гостиной) здесь проживал Г. Н. Каминский (1.11.1895, г. Екатеринослав (ныне Днепропетровск) — 1938, Москва), руководивший в это время Тульской организацией большевиков и губисполком. Его бывшая жена Ольга Борисовна Розен, с которой я, составляя проект реставрации этого дома, переписывался в конце 80-х годов, вот что вспоминала об этом периоде: «В этом доме, т.е. на Площадной под номером 51, у него была комната... направо от входа, окнами на улицу. Напротив нее, окнами во двор, была большая комната, где

помещался штаб Красной гвардии и дежурили, а может быть, и жили, сменные красногвардейцы — «караул»...

Затем, некоторое время здесь размещался военкомат, которым руководил Дмитрий Прокофьевич Оськин (16.9.1892, д. Сокольники Епифанского у. Тульской губ. (ныне Новомосковского р-на Тульской обл.) — 7.2.1934, Москва), прибывший в Тулу в 1918-м по решению Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) как ответственный организатор Красной Армии на территории Тульской и Калужской губерний. Д. П. Оськин известен не только как первый военный комиссар, как организатор аппарата губернского и уездных военкоматов, как один из создателей 36-х Тульских пехотных курсов (где проходил переподготовку мой отец — Василий Сергеевич Куликов, участник первой мировой и Гражданской войн, чтоб по окончании курсов командовать подразделением в сражениях против войск Врангеля... погиб в Отечественную в конце 1942-го на Северо-Западном фронте, командуя ротой), как член Военного совета, как один из создателей 2-й армии и командующий Приволжским военным округом, но и как литератор — автор автобиографической трилогии, о событиях Первой мировой и Гражданской Войн: Записки солдата, Записки прапорщика, Записки военкома.

Сведений о первоначальном облике здания нет. Известно, что до переделок дом был полностью деревянным. Но вот перестроенное здание выдает руку профессионального архитектора, имя которого, к сожалению, не известно. Особняк строился на окраине города, почти в поле (и улица называлась в то время Полевой) и поэтому был обнесен высокой глухой кирпичной стеной — оградой. По-существу, эта была целая усадьба с хозяйственными постройками на участке, значительная территория которого занимала угол улиц Полевой (позднее переименованной в Площадную. а затем в Каминского) и Старо-Дворянской (ныне Бундурина). Южная стена ограды усадьбы шла вдоль Суrowsкого переулка, исчезнувшего при реконструкции этой части в 80-е годы, чему я сам был свидетель.

Особняк был выстроен (или реконструирован) с применением готических стилизованных черт, проявившихся в его декоративном оформлении.

В статье «Весьма запоминающийся образ... Архитектурная летопись города», опубликованной в 1995 году от 28 декабря в газете «Тула вечерняя», я отмечал необычный, неконструктивный, а как бы «прилепленный», фальшивый характер «готических» элементов и деталей. Пилястры на фасаде и башенки на кровле — на деревянной основе, по которой наносился слой штукатурки «под камень». Примечательны окна, имеющие в верхней части цветные витражи, а также витражи над восточным и западным входами. Особенно хороша «роза» — витраж в круглом проеме над главным входом из чистого венецианского стекла. Все витражи в металлических переплетах. К моменту начала восстановления и реставрации здания, начавшихся в 1984 году, многие витражи имели значительные утраты.

Пилястры двух видов украшали все четыре фасада. По периметру здания в верхней части стен тянулся фриз с готическим рисунком декора в виде лучковых вдавленных арок, переходящих в сложнопрофилированный карниз. Крышу на углах четырех скатов венчали башенки, покрытые металлическим гонтом, штампованным по «чешую». Такие же башенки завершали с обеих сторон своеобразные, с витражами фронтоны, выступающие над главным и боковыми входами.

Памятник четверть века тому назад имел утраты и мелкие разрушения, портившие его общий вид. Были утрачены водосточные трубы, имевшие витые стволы за счет рельефной их выколотки. Исчезли декоративная парапетная решетка из кованого железа и некоторые башенки на крыше, а также своеобразные затейливые дымоходы над трубами. Внутри были нарушены декоративные оформления интерьеров некоторых помещений, дверей и входов. Утрачены во множестве дверные и оконные

ручки, шпингалеты, задвижки, петли и прочая скобянка, а также печные приборы и выбиты местами изразцы. Нарушен лепной декор карнизов, фризов и розеток почти по всем помещениям. Паркетный пол, набранный из дубовых клепок, во многих помещениях рассохся и требовал ремонта и восстановления. Все это — результат эксплуатации здания в послереволюционное и последующее время «на износ».

При реконструкции этого района под многоэтажную застройку в конце 70-х годов многие жилые дома и иные постройки, составляющие историческую среду вблизи памятника, были безжалостно снесены. Встал вопрос о сносе и этого здания. И только благодаря решительным действиям заинтересованной общественности города, тем людям, которым небезразлична судьба старинных зданий и самой истории Тулы, к числу которых не без гордости отношу и себя, удалось отстоять от сноса сам особняк. Но все же были подвержены сносу хозяйственные службы и подсобные постройки усадьбы, а также кирпичная добротная ограда по периметру участка, которые спасти не удалось. А особняк я и мои единомышленники по обществу охраны памятников (ВООПИК), где я в то время возглавлял секцию архитектурных памятников, внесли в список охраняемых объектов, то есть в число памятников истории и культуры. Но в охранной зоне памятника, в непосредственной к нему близости, позади него возвели панельный 9-этажный жилой дом, который своим масштабом «унизил» стоящий «у его ног» памятник.

Долгое время, еще до начала восстановительных работ, в этом здании размещались лаборатория эпидемиологии и микробиологии облздрава, областная санэпидемстанция и медицинская библиотека.

Когда Тульский реставрационный производственный участок приступил к восстановительным работам, здание не имело хозяина и не было ясности, под какие функции его приспособлять. Чтоб его не растащили мародеры после того, как отсюда съехали медики, власти временно разместили здесь группу художников-оформителей Центрального парка. В этот период здание не ремонтировалось ни снаружи, ни изнутри, приняв за какие-то 5 лет весьма плачевный вид. Только 1988 году решением горисполкома оно было передано в аренду Тульской организации союза писателей и Литфонду.

Помню, пришел ко мне Виктор Трапезников, бывший в то время председателем правления ТОСП, с просьбой разработать проект приспособления здания под нужды писательской организации. Я тогда возглавлял проектный отдел в реставрационном участке и принял заказ.

Заданием к проекту приспособления помещений под новые функции оговаривалось и такое условие: на базе 2—3 комнат создать музей Г. Н. Каминского. Сюда была доставлена даже памятная доска из темно-коричневого гранита с портретным его изображением, отлитым в металле, до того размещавшаяся на фасаде старого здания Тулоблисполкома, снесенного в 1987 году.

Финансирование проходило по двум каналам: на реставрацию фасадов средства выделялись органом охраны памятников — производственной группой, а на ремонтные работы по приспособлению помещений — Союзом писателей. Но и тех, и других средств не хватало, и работы растянулись на годы, тем более, что в процессе производившихся на здании работ выявлялись непредвиденные трудности, появлялись все новые и новые проблемы.

Здание имеет два этажа: цокольный, с высотой 2,6 метра, и верхний — в сущности первый этаж, с высотой около 4 метров. Цокольный выстроен более капитально, из кирпича и облицован снаружи блоками пиленого белого камня — известняка, которым отделялись многие цоколи и крыльца старинных зданий Тулы. Верхний — деревянный сруб из брусьев, обшитый был тесом с засыпкой в качестве утеплителя гречишной шелухой, а затем по дранке оштукатуренный.

В процессе ремонтно-восстановительных работ обнаружилось плохое техническое состояние древесины стен, которая была во многих местах поражена грибом-плесенью. Гнилые участки были в подмокаемых местах разрушенных водостоков, откуда гниль распространялась далее.

Было принято решение: пораженные участки заменить и обложить деревянный сруб кирпичом, создав дополнительную несущую опору для конструкций перекрытий и крыши. А через некоторое время пришлось заменить полностью конструкции перекрытий и чердачных стропил и, конечно, покрытий. Обкладка сруба кирпичом и замена конструкций крыши повлекли за собой замену (исполнение вновь) почти всех архитектурно-декоративных и художественных элементов, что весьма осложнило процесс производства работ и значительно удлинило сроки. Все это требовало все новых и новых трудовых затрат и фанасовых вливаний. Но по линии Союза писателей поступление средств было прекращено, что заставило искать нового хозяина, и областной комитет культуры предложил помещения центру народных промыслов. Около двух лет велись работы, финансируемые комитетом культуры под народные промыслы, а вскоре было принято другое решение — отдать здание под нужды краеведческого музея, испытывавшего по тому времени крайнюю нужду в дополнительных площадях. Но поскольку финансирование продолжалось все по той же линии — всегда нищей культуры, то дела шли далеко не споро, и было время — около года, — когда на этот объект не поступало ни рубля, а здание стояло под замком. И неизвестно, сколько бы это продолжалось...

Памятная доска Григорию Каминскому, стоявшая сначала в нише входного тамбура, по распоряжению бригадира — «от греха подальше», — внесенная в одно из внутренних помещений, попала под обрушившуюся балку (при замене конструкций перекрытия) и разрушилась на части. В одно из посещений в качестве авторского надзора я сфотографировал ее остатки и сделал общие замеры с целью ее восстановления в дальнейшем, но эти — «лучшие времена» — так для нее и не настали.

В 1994 году последовало решение областной администрации — передать здание-памятник Фонду поддержки творческой интеллигенции, возглавляемому Валерием Масловым, входившим в коридоры власти, с выделением средств на восстановление. Около года велись работы, но... это даже при большом желании назвать реставрацией невозможно, поскольку велись работы чисто ремонтно-строительного характера, без привлечения не только реставраторов, но и авторского надзора. Но в этом, скорее, большая доля вины государственного органа охраны памятников истории и культуры, должного стоять на страже Закона, но допустившего к производству работ на завершающем, самом ответственном этапе организацию, не лицензированную в области реставрации, не настоящего и в обязательном осуществлении научного руководства по всем видам работ на памятнике, как требуют нормативы. А последствия этого таковы: крыша в местах выхода печных труб и вентиляционных каналов дает течь, что отражается на состоянии чердачных конструкций и перекрытий, на потолках появляются разводы; в интерьерных помещениях лепные элементы, детали фурнитуры, светильники и многое другое либо не соответствуют проекту реставрации, либо отсутствуют вообще. И перечень этот можно продолжить, но... нынче во всем городе это единственное место, где творческой интеллигенции есть возможность устраивать выставки, проводить презентации, отмечать юбилеи и, наконец, просто общаться, а это уже много. В этот дом мне легко приходиться...

СВЕТЛЫЙ ХУДОЖНИК

20 февраля в Выставочном зале, что на Красноармейском проспекте, на суд общественности и своих коллег представил в очередной раз свои работы художник-

пейзажист Евгений Жидков. Его последняя персональная выставка была семь лет тому назад.

Я давно, более четверти века знаком с ним и его работами, часто бывал у него в мастерской и почти на всех его выставках. Наблюдал за его становлением и совершенствованием. Отрадно, что он не стоит на месте, растет от выставки к выставке, что и было отмечено многими на вернисаже.

Одна из первых крупных персональных его выставок состоялась в Туле в 1985 году, на которой туляки имели впервые возможность в полном объеме соприкоснуться с его светлым и по большому счету добрым искусством, полным любви и восторга к родной земле, природе во всей ее красе, многообразии и многоцветье. Выставка называлась «Под мирным небом». Само название настраивало по-особому. Посвящалась 40-летию Победы, он связывал ее с памятью всех павших, с памятью отца...

Память об отце — тема близкая и мне. Наши судьбы во многом схожи...

«Первые его отчетливые воспоминания,— писал я о нем в газете «Молодой коммунар» за 1 марта 1986 года,— снежно-грязный ноябрьский вечер сорок первого года, пропитанный тревогой, заполненный звуками дальних взрывов, проникнутый чувством тоскливого страха, затаившегося, кажется, в завешанных плотно темных окнах. И вдруг — двери настежь, вваливается измотанный, грязный и мокрый отец, с ним еще сосед. Оба — оттуда, с переднего края, из окопов, где самое главное вершится. Рассказывают наскоро, как там и что. Главное — немцев в Тулу не пустили и не пустят, это уже ясно, иначе быть не может...»

Интересно — до этого вечера он отца не помнит ясно, был и был, как все вокруг было из привычного. Только разговоры — все о заводе, об оружейниках, о сборщиках — отцовых друзьях, о маминых друзьях по другому заводу... А вот этот вечер в памяти остался — и отец, как бы впервые увиденный, из боя пришедший, из заболоченной траншеи. Как мылся (для того и пришел), как чай наскоро пил, как обнял в последний раз мать, сестер и его, Женю, как сосед зашел за ним, и как они ушли в ночь. Навсегда ушли. Через несколько месяцев пришла похоронка из-под Калуги. И уже значительно позже, повзрослев, узнает и осмыслит Женя Жидков многое о жизни отца своего, Николая Ильича, мастера-оружейника, ушедшего, несмотря на бронь, в Тульский рабочий полк, отстоявшего вместе с товарищами своими родную Тулу и ушедшего от нее с полком дальше...

А тогда, в сорок первом, всего четыре года было ему, и мало он еще понимал умом, лишь сердце уже жило ясно — и трудностями, и радостями тех дней.

Жизнь сердца, жизнь чувств. Уж так повелось, что кому-то дается она в большей мере, чем другим. Удивительно чутким бывает тогда сердце, удивительно зорким и приметливым глаз, каждую мелочь отмечающий и подмечающий по-особому. Такая душа, озаренная особым светом, впитывает в себя впечатления мира жадно, глубокий и яркий след оставляют они. Так было и с Женей. Кировский поселок с деревенским тогда уютом, Площадка со звоном трамваев, Лентяевка с садами и немощными улочками, покрытыми щетинкой гусиной травки. Стадион, где зимой — серая гладь льда, а летом — любезные сердцу заросли «лепешки», которыми можно подкормиться. А дальше — Глушанки со звуками гармошки. А за ними — полевой простор и милота полной свободы. Шалаши из ветвей, лужи дождевой воды, мокрая под босой ногой трава... И родное, знакомое — и разное все в каждую минуту, а не только в разное время дня или года. По цвету разное, по настроению, по ощущению, душе подаренному. В каждый миг любая травинка любое облачко — чудо неповторимое и единственное...

Так шло детство — через нелегкий быт семьи, где мама растила детей без отца, через радость весенних дней, когда впервые открываются после зимы окна с ватой и неизменными блестящими или искусственными цветами между рамами, блеск чисто

вымытых стекол, радость победного дня...» Так писал я о нем, а, по-сути, о себе. Настолько были схожи наши судьбы в начальный период жизни! Мы — одногодки, безотцовщина... Мой отец погиб также на этой, проклятой нашими матерями войне, в одиночку выхаживавшими детей в военное, да и в послевоенное время, испытывавшими голод, нужду — постоянных спутников нашего детства и отрочества. Только он испытал это здесь, в Туле, а я в городке на Южном Урале, в эвакуации, куда занес нашу семью ветер войны из Тулы. И увлечения нашего детства так были схожи... стремление в рисунках запечатлеть свои ощущения своего мира...

Да, уже тогда в его рисунках жило души отражение, уже бились рука и глаз над еле уловимым оттенком, над настроением.

А совсем близко, во Дворце культуры завода, на котором когда-то работал его отец, находилась самодеятельная изостудия, в которой в разные годы начинали свой творческий путь известные живописцы М. Серегин, Б. Вагин, М. Батов. Одним из активнейших и способных студийцев был П. Крылов — впоследствии член крепкого содружества трех художников — «Кукрыниксы».

Сюда, в изостудию был прямой путь и Жене, и очень ему в то время повезло, что первым здесь его наставником стал человек одержимый, заставивший и его жить формой и цветом, всецело отдаваться во власть рисунка, картины, изображения простых истин, чувствуя любые, даже еле уловимые, оттенки. Благословенный Николай Иванович Орехов, ниспосланный Жене судьбой! Сам неистовый фанат своего дела, он сумел заметить пробивавшийся к жизни талант в юном художнике. Он сумел увести от улицы, выросшего в коренной рабочей семье подростка, привить ему чувство красоты, заставил всецело, самозабвенно уйти в этот мир красок, мир душевной гармонии...

Затем были годы учебы в Пензенском художественном училище имени Савицкого, довольно известном в то время. Помню, когда я учился в 6-7 классах средней общеобразовательной школы в уральском городе Медногорске, рисунок и черчение вела молодая, весьма привлекательная учительница и талантливая художница (по-крайней мере, мне так виделось), выпускница этого училища. Заметив во мне способности к рисованию, она настоятельно рекомендовала продолжить учебу именно в этом заведении, приводя аргументы в его пользу, описывая достоинства, специфику и процесс обучения. И я уже склонялся к этому решению, но судьба распорядилась иначе...

Еще в училище Евгений стал на путь поиска собственного стиля, своего «лица», своей темы. Если сказать, что путь этот был очень уж трудным и мучительным — наверное будет не совсем правдой: от впечатлений детства и отрочества, оставшегося навсегда с ним чуткого восприятия и видения красоты мира лежала дорога ко всему, из чего сложился затем зрелый Жидков — художник-поэт, тонкий и лиричный певец природы средней полосы России.

Рассматривая его работы, представленные на первой персональной, рассуждая сам с собой и делясь своими впечатлениями с читателями «Молодого коммунара», я писал в упомянутой статье: «Трудно вообще писать о картинах, особенно о пейзаже. Описывать пейзаж Жидкова трудно особенно, потому что это не просто красиво и достоверно, это — удивительным образом представленные настроения, миг времени, его неповторимость, отношение художника к этому мигу, состояние его души и одновременно — вся жизнь с прошлым и будущим, во всей своей многогранности, во всем многообразии, кусочек жизни и его, художника, и общечеловеческой.

Спокойными, чаще всего светлыми, прекрасно-трогательными ландшафтами с широкими далями российскими, с полями, перелесками и взгорьями, с водными просторами, лесами и купами деревьев заполнены его холсты.

К небу — вечно меняющемуся, бесконечно разнообразному — он относится, кажется, с особым чувством, с особым пристрастием». Это осталось у него с детства. Кто из нас не любил, раскинувшись на траве, долго всматриваться в это сине-голубое

бесконечное пространство, осознавая, определяя себя как бесконечно малую величину этого огромного мира, засматриваться на облака, быстро меняющие свои причудливые формы, и в зависимости от собственной фантазии и настроения видеть те или иные фигуры животных, людей, образы понятного нам окружения. Так у Евгения сохранилось и поныне это трепетное и в тоже время вдумчивое отношение к небу, к облакам, заполняющим его, где он видит символы и знаки. «Стараясь удержать на полотне то или иное его состояние, его мгновенный и поминутно меняющийся образ, он пристально следит за малейшими изменениями этого великого пространства. В картине «Жатва идет» небо занимает более чем две трети полотна, именно купы облаков, пронизанных лучами солнца, создают впечатление напряженности страды на полях, раскинувшихся под ними, зарождают ощущение труда, хотя каких-то производственных деталей в картине нет».

Я помню то время, когда многие художники, следуя наставлениям свыше, писали полотна на производственные темы, изображая человека труда, и это было главной темой выставок тех лет. Но Евгений и здесь нашел свой подход. Это вообще удивительное свойство Жидкова — писать пейзажи, но говорить в них о труде, и об отношении человека к труду, и о многом еще. Вот картина «На полях тульских». На ней — огромное поле, вплотную подступающее к городу, к заводским корпусам на горизонте, все окутано дымкой весеннего воздуха, весенним маревом, на поле — пар, грачи, сквозные вершины еще почти голых берез. Все торжественно и нежно, все рождает ощущение пробуждения, рождения нового. Но здесь — ощущение романтики труда на земле, и мысли о соединении в нашем, сегодняшнем мире новой индустриальной мощи, искусственно созданных предметов и вещей с вечным, непреходящим и хрупким — с природой, и чуть-чуть легкой грусти... Он не просто художник, он философ, раздумывающий о многом, и важном и сложном, и умеющий о своих раздумьях рассказать в зримых образах.

Считается, что пейзаж — жанр наиболее далекий от конкретных жизненных проблем, зачастую пейзажиста даже упрекают за то, что он уходит от жизни, от всего, чем наполнено время.

У Жидкова же в пейзаже — именно наше время, с его проблемами, с отношением к миру природы сегодняшнего человека и гражданина. Природа для него — не нечто отвлеченно-прекрасное, она — суть жизни, суть ее глубины и средоточие ее проблем. Вечные и сегодняшние связи человека и природы, их взаимодействие, их конкретно-реальное влияние друг на друга — вот что, в сущности, пишет Евгений Жидков, а не просто пейзаж. Это доступно не всякому.

Важно еще, что каждому из нас многое на картинах его знакомо. Вот это — поле за Петушками, это старый дворик на Менделеевской, а это Ясная Поляна, вот сквер у тульского кремля, а это — окские просторы. Он — поэт земли именно тульской, его пейзажи — это всегда признание ей в любви и восхищение ею.

В последние годы он порой целыми месяцами живет в Егнышевке, не переставая восторгаться окружающей природой, ее неповторимостью в разное время и в разное время года. Сиренево-розовый цвет распустившегося иван-чая на фоне зелено-голубого леса и бело-голубых облаков — это «Иван-чай цветет». Изумрудно-синеватые цветущие хлеба и густозеленый океан поля — «Хлеба цветут». «Бурный день» — на дачном участке буйство садовых цветов и зелени на грядках. «Полдень» — обед в саду, все залито ярким солнечным светом. Осенние цвета и настроение — в картине «Бабы лето. Сентябрь», где все соткано из теплых желтых и оранжевых тонов...

Он никогда не пишет эскизов, лишь легкую почеркушку сделает — и сразу за главное. Он говорит об одной картине: «Вот это удивительный был день — конец марта, снег сходил, ручьи трезвонили, трава уже вылезла — на солнце глазееет, небо пронзительной синевы. Весь день там провел — и каждую минуту все по-новому,

снова смотришь во-о-от такими глазами и не удивишься, хоть каждую минуту пиши заново...» Он сам — как часть природы: пшеничный цвет волос — от спелости хлебов, яркая голубизна глаз — от незабудок, нежно им любимых...» Так писал я о Евгении Жидкове почти четверть века тому назад, но и сейчас, несмотря на то, что он давно перешел в иную возрастную категорию, в его работах по-прежнему отражается оптимистическое настроение, они пронизаны светом, восторгом, и так же, как и прежде, настраивают на добро и удивление. Только теперь в них видится еще большее техническое совершенство, объемность изображения, свой «почерк», рука зрелого мастера, трепетная любовь к родной земле, раздумья о смысле жизни, более серьезное отношение к миру.

И не даром другой художник — художник слова Виктор Пахомов на открытии последней выставки охарактеризовал работы Евгения Жидкова как значительнейшее явление, а его самого, как мастера российского уровня. Ну что ж, с этим нельзя не согласиться, тем более, что я давал творчеству нашего героя высокую оценку еще тогда, выделяя его не только среди художников региона, но пророча ему более высокий пьедестал. Это было в подлиннике статьи, переданной в редакцию «Молодой коммунар», той самой статьи, выдержки из которой здесь приведены. Но в опубликованном варианте редактор Элеонора Коробицкая подкорректировала в моем тексте именно этот пункт, очевидно из осторожности, к тому же без моего ведома она подписала статью и своей фамилией. Таким образом у материала (статьи) стало два автора. Я попытался выяснять по какому праву это произошло, но она вскоре уволилась из газеты. Ну что ж, Элеонора Коробицкая, пусть это останется на Вашей совести.

Я же верил художнику и нисколько не сомневался в его неординарных способностях письма красками, в его таланте живописца, видя в его произведениях гармонию природы и души. И время подтвердило это. Начиная с первой персональной выставки 1985 года его работы стали экспонироваться на всех городских, областных выставках, и далее, несмотря на строгий отбор, на многих российских и всесоюзных, в Рязани, Тамбове, Костроме.

В 1987 году организуется его крупная выставка в Калуге. А в 1989-м на него обратил внимание коллекционер, ценитель и меценат Эдмонд Розенфельд, имевший частную галерею и сбыт в Париже. С его помощью были организованы выставки в Париже, Бордо, Тулузе, Белнер-де-Люшоне, Боне (Франция), Женеве (Швейцария), сопровождавшиеся к тому же и реализацией — продажей картин, что было большим материальным подспорьем. Их отношения продолжались до 2003 года. В этом же — 2003-м его работы были представлены на выставках в залах Тульского художественного музея, в галерее на Тверской в Москве. Затем персональная в Доме художника на Крымской набережной и в гостинице «Марко Поло» в 1998-м в Москве. Потом крупная выставка в 2000-м, персональная в 2002-м, участие в региональных и российских выставках в разные годы. В 2008-м Жидкова избирают председателем правления Тульской организации Союза художников России. И вот крупная персональная выставка, осветившая его в который раз как состоявшегося мастера пейзажа, как яркого, светлого художника, работающего в лучших традициях реалистической школы, со своим индивидуальным художественным мировосприятием, являющего широкий диапазон и спектр окружающего мира с использованием своеобразных средств и приемов восприятия реальности, с темпераментом присущим его таланту и неумному характеру.

И вполне заслуженно его рекомендуют на заслуженного!

Ирина Кедрова
(г. Москва)

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЕЙСТВУЕТ

Ирина Кедрова — зав. отделом критики журнала «Приокские зори»

Академия Российской литературы — молодая общественная организация, поставила перед собой насущные задачи. Отстоять русское слово, не дав ему опуститься, как образно выразился вице-президент Академии Л. Ханбеков, до уровня «телесного низа». Терпеливо возвращать поэтов и прозаиков, критиков и публицистов, для чего создавать условия публичного выражения художественного творчества современных писателей. Организовывать литературные объединения, кружки и студии, в которых возможно качественное воспитание литературного вкуса, прежде всего, у современной молодежи, нуждающейся в защите от пошлого, хамского, низкопробного текста.

Завершив в основном организационные вопросы, Академия перешла к изданию художественных произведений, чтобы заявить о себе и об авторах — сторонниках ее стремления сохранить в российской литературе лучший опыт прежних лет и раскрыть читателю новых авторов, откликающихся на реалии сегодняшнего дня.

Коллегии детской литературы и публицистики в настоящее время готовятся к выпуску первых изданий.

Коллегия прозаиков выпустила первый том Антологии современной прозы*, в котором заявили о себе такие авторы как Н. Гнатюк, Г. Дубинина, Н. Квасникова, И. Кедрова, Э. Клыгуль, В. Кузнецов, В. Мирнев, И. Нехамес, Л. Попова, И. Рухович, З. Фомина. Широкий тематический круг рассказов. Авторы пишут об осознании человеком своего места в жизни, о его отношении с природой, о семейных и бытовых проблемах, о чеченской войне и ее последствиях. Обычные темы, касающиеся каждого жителя российского общества, но раскрыты они так, что вновь и вновь убеждаешься: только нравственная человеческая основа способна удержать современное российское общество в рамках цивилизационного процесса. Анализ произведений, включенных в Антологию современной прозы, мы бы хотели отложить на некоторое время, поскольку уже готов к изданию второй том и формируется третий.

В этом же очерке мы привлекаем полное внимание читателя на деятельность Коллегии поэтов, оказавшейся застрельщиком в важном деле публичного общения с читателем. В 2009 году выпущены четыре тома Антологии современной поэзии под названием «Созвучье слов живых»**. Название символично. Оно утверждает: Слово живо, оно принадлежит поэтам. Созвучье же убедительно, поскольку слова, близкие по духу, силе воздействия, красоте звучания, способны «мир перевернуть» и душу человеческую возвысить.

* Сверхя быль и небыль. Антология современной прозы: Рассказы. — М.: Московский Парнас, 2009.

** Созвучье слов живых. Антология современной поэзии. Том I, II, III, IV. — М.: Московский Парнас, 2009.

В Антологии объединены как члены Академии, так и кандидаты. Это сделано для того, чтобы показать читателю тот огромный художественно-литературный потенциал, что имеется у общественной организации, стремящейся привлечь в свои ряды творческих и одаренных людей.

На наш взгляд, писатель не только одержим литературным делом. Он видит и остро чувствует те процессы, которые происходят в обществе, в природе, в человеке. Он умеет творчески отразить их развитие. Владеет русским языком (или любимым, на котором пишет), способен выразить полновесным словом то, что, переработав внутри своего «я», отдает читателю.

Такие поэты объединены в академической Коллегии, и, следовательно, в поэтической Антологии. Они — разные по настрою, творческой теме, умению стихосложения, — близки по духу, не смотря на то, что живут в различных уголках нашей большой страны. Эта близость проявляется, прежде всего, в любви к отечеству и к людям.

Сегодня поэзия, как справедливо отмечает Л. Ханбеков, нуждается и в санитарно-врачебной обработке от пошлости и грязи, и в стихотворцах, способных противостоять негативным общественным явлениям [т. I, с.3]. В этом противостоянии состоит важнейший смысл выхода в свет обсуждаемого издания.

Широко представлена в Антологии тема России: с историческими победами, с осознанием трагических событий и явлений, с признанием в любви к отечеству. Разве мы с вами, думающий и влюбленный в Россию читатель, не откликнемся душою на такие строки?

*В твои не наглядеться воды...
Травинкой в поле обернусь —
И будут ясными восходы,
И будет лик твой светел, Русь!* [Е. Антошкин, т. I, с.40].

*Был день — как лед,
Холодный, синий,
Серебри тучи, как жнивье,
А мы молились за Россию,
За воскресение ее...* [Ю. Ключников, т. II, с.188].

*Какая сила нас влечет
К тем далям, временем поросшим,
Где по лугам и через рощи
Речушка малая течет?* [Г. Азанов, т. IV, с.16].

Авторы поэтической Антологии, осознавая себя носителями общественных дум, размышляют о значении поэта в современном обществе. В этих размышлениях уверенность в великом назначении поэта, в осуществлении миссии, которая не каждому под силу, и предъявление к творцу поэтического слова требования высоты духа и стойкости.

*Несет поэт земное бремя,—
Угрюмо тащит груз забот.
Судьбы непознанное время
Его без усталости зовет...* [Г. Осипов, т. I, с.275].

*Поэт приговорен, как дважды два,
Он жизнью всей идет к смертельной плахе.
Не зря по нем звонят колокола,
Держа владык на непонятном страхе...* [Г. Дубинина, т. I, с.161].

*Большой поэт не просто редкость —
Среди сверкающих вершин,*

*У каждого своя известность,
Большой поэт всегда один...* [И. Рухович, т. I, с.333].

*Поэтом быть — всмотреться в синеву:
Вселенная — предстартовой площадкой!..* [Ю. Бердников, т. II, с.7].
*Пространство, полное любви,
Творит поэт, забытый миром* [Н. Дубовицкая, т. IV, с.205].

В томах Антологии заявили о себе стихотворцы, остро чувствующие красоту слова, а также ритм и музыку строки, рифмовое единство и разнообразие. Среди авторов, кроме тех, кого мы уже назвали: П. Ашукин, Т. Булевич, В. Кузнецов, И. Нехамес, А. Ореховский, Р. Тишковский, Е. Токарева, В. Широков и др. О каждом из них можно написать статью, выделить его главную тему, рассмотреть особенности творчества.

Если же характеризовать тома, ставшие реальным воплощением деятельности поэтической Коллегии, то следует отметить: тематика разнообразна — о родине, любви, природе, семье, о назначении и сущности человека.

Современным поэтам, как и в прежние времена, присущи такие качества как гражданственность, четко выраженная позиция, острота взгляда.

*В деревенской большой избе,
Где всем вместе и черт не страшен,
Выбрать есть из кого судьбе
И для космоса, и для пашен* [А. Третьяков, т. IV, с.249].

Стихотворцы по-прежнему являются философами и лириками, стремятся к свободе самовыражения и творческому поиску.

*Как Божий знак
Над космосом склоненный,
Мерцает в пустоте бездонной
Путь бесконечный — Млечный,
И это вечно...* [В. Владимиров, т. I, с.93].

Образность слова, богатство мысли, широта взглядов являются естественным состоянием их творчества.

*Как в октябре багров стыдливый клен!
За чьи грехи так явно он краснеет?
Верхушку клонит гибко, будто шею,
Дождю и ветру отдает поклон ...* [Н. Квасникова, т. II, с.164].

Боль за все, что происходит в Отчизне, бьется в поэтических строчках:

*Дерева падают, невежеством убитые,
Так падал храм столетие назад,
Так падал, сломленный и всеми позабытый,
Под топором судьбы вишневый сад...* [О. Астафьева, т. IV, с.47].

И радость бытия заполняет страницы:

*Стихия ветра, стихия снега,
Я вас люблю...
Какая воля, какая нега...
Земли и неба
Свободу пью...* [С. Вермишева, т. IV, с.91].

Вместе с тем, требовательное восприятие поэтического творчества авторов Антологии заставляет нас снова и снова размышлять о том, что есть поэзия, что отлича-

ет ее от простого, мы бы сказали — бытового, сложения предложений в строки, заканчивающиеся созвучными слогами-словами. Если человек составил фразу: «льется кровь — пришла любовь», это еще не значит, что он стал поэтом.

Разумеется, одно из главных условий поэтического творчества — актуальность поднимаемых тем. Эти темы должны быть интересны не только автору (иначе — пиши для себя и читай сам себе), они должны находить отклик в сердцах читателей. Далее — тематическое разнообразие, отражающее многомерность человеческой жизни. Пусть даже не всегда автор показывает позитивные явления. В том и заслуга мастера — увидеть позитивное и высветить; обнаружить негативное и заострить на нем внимание, чтобы привлечь читателя к раздумью.

Известно, что поэзия сильна чувствами, которые она вызывает в людях. Возникли чувства у читателя в душе, и откликнулся он на поэтические строки — засмеялся, заплакал, взгрустнул, взрастил в себе сочувствие, испытал горделивое или радостное состояние. Возможно, и злость проснулась, и даже обида. Чувства разнообразят жизнь человека, расширяют его мировосприятие. Поэтическое творчество в воспитании чувств играет великую роль.

Конечно, нужно поэту словесное богатство. Тогда не возникнет при чтении стихов ощущения однообразия и скуки. Более того, придет наслаждение словом — его красотой, звучанием, разнообразием способов выражения мысли. Тропы, эпитеты, сравнения, метафоры, несомненно, придадут поэтическому тексту образность. Они способны повести мысль автора и читателя в новое, еще неизведанное.

Однако нельзя увлекаться образностью до такой степени, что смысл теряется, идея прячется, и нет ясности, что же хотел сказать поэт. Идея, смысл того, что желает донести миру, не должны ускользать ни от автора, ни от читателя. Совсем не обязательно, чтобы мысль выдвигалась на первый план, и незамедлительно прояснилась. Вполне допустим способ выражения, когда не сразу авторская мысль становится достоянием читателя, однако она всегда должна присутствовать в произведении.

И, наконец, золотое правило поэтического творчества — соблюдение рифмы и стихотворного размера, что создает определенный ритм произведения. Мужские, женские, дактилические, гипердактилические, точные и неточные рифмы, а также ямб, хорей, амфибрахий и т.д. Законы стихосложения созданы не для того, чтобы измучить голову начинающему поэту. Они не только влияют на ритм стихотворения, но и разнообразят стиль, создают особый колорит.

Впрочем, все, о чем мы сейчас пишем, является качественной огранкой таланта. Есть талант, есть знание основ стихосложения — тогда напишется произведение, волнующее сердца.

*Как отзвук трепетной души,
Как грань величья Духа,
Оно рождается в тиши,
Чтобы дойти до слуха
И прошептать: «Пиши, пиши!...»* [В. Кузнецов, т. III, с.112].

Многотомное издание Антологии современной поэзии призвано решать важнейшую задачу — возвращать поэтов, помогать им в осознании себя и своего стиля. Человеку, поэтически настроенному, способному к усердию в познании законов поэзии, надо помочь: то есть поддержать, дать возможность выразиться.

Поэту, который выработал стиль и определил тему творчества, жизненно важно встречаться с читателем, прежде всего, на страницах книг. Да и читателю это необходимо, ибо поэзия ему нужна.

Замечательно и верно сказал о поэзии Л. Ханбеков: «Мы ее растим в себе, а она растит нас, одухотворяя, наполняя светом, согревая в тяжкие минуты» [т. II, с.4].

Вячеслав Лютый

(г. Воронеж)

ТЕРПЕНИЕ ЗЕМЛИ И ВОДЫ

(Поэзия Дианы Кан и современность)

Лютый Вячеслав Дмитриевич родился в 1954 году в городе Легница Польской народной республики. Окончил Воронежский политехнический институт, Литературный институт им. А. М. Горького. Служил в армии, работал радиоинженером, звукооператором, заведующим литературной частью театра, менеджером коммерческого банка, работал в русской редакции издаваемого в Европе журнала «Континент». В настоящее время является членом редакционной коллегии старейшего всероссийского литературно-художественного журнала «Подъём», издаваемого в Воронеже. Лауреат премии Общественной палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры». Лауреат Всероссийской премии «Русская речь». Член Союза писателей России. Живет в Воронеже. Литературоведческие и культурологические работы Вячеслава Дмитриевича публикуются на страницах таких изданий, как «Литературная газета», газета «Российский писатель», «Независимая газета», «День литературы», «Литературная Россия», журналы «Сура», «Русское эхо» и многих других.

...В стихотворениях Дианы Кан* практически невозможно обнаружить то бесильное уныние, которое, словно паралич, поразило нашу поэзию в последние годы. Не беря во внимание стихи бравурные, во многом внешние и крайне несовершенные в литературном отношении, можно увидеть, что тяжкий недуг тоски все более утверждается в русском поэтическом организме. Крайне мало поэтов, которые не призывая к немедленной борьбе за возрождение родимой земли, так чувствовали бы ее мощные подземные токи, так понимали бы ее глубокое и величественное дыхание, так спокойно созерцали бы ее почти мистическую красоту — бессмертную: ибо уйди человек-варвар в никуда, и воспрянет все природное в своем дивном совершенстве, будто и не было века жестокости, беспамяත්ства и сухого ума. Жизнелюбие — едва ли не уникальное свойство в современной литературе — есть примечательнейшая духовная черта поэзии Дианы Кан. Это движение сердца, взгляда, ума охватывает в ее стихах видимый земной мир и человеческое прошлое, оно устремлено в завтрашний день, вернее, к той черте, что отделяет сегодняшнюю, непроглядную ночь от наступающего рассвета. В поэтической речи Кан нет резонерства и петушинных уверений в неизбежности русской победы над злом. Но есть какое-то тайное знание, что эта победа определенно произойдет... Поэт должен обладать невероятно большим ростом, он парадоксально возвышается над временем, ему по силам озирать огромные земные пространства и приближать к глазам крохотные детали мира. Конечно же, перед

* Диана Кан — автор нашего журнала; см. «ПЗ» № 1/2010, а в № 2/2010 представлены своими произведениями участники литобъединения г. Новокуйбышевска, которым Диана Кан руководит.

нами метафизическая фигура певца, спрятанная в человеческое тело с неповторимым лицом, движением глаз, взмахом рук, голосом и походкой. У него есть имя и фамилия, родичи и друзья, отчий край, любовь, ненависть, борьба и милосердие. И еще — чувство рода... Ясно понимаемое слово «мы» наполнено для поэтессы не только совершенно реальным расширительным смыслом, но и мистическим, когда на одной линии могут стоять и древний богатырь, и крестьянин-пахарь прошлых десятилетий, и солдат Великой Отечественной, и учитель-подвижник, не жалеющий себя в нынешнее, вероломное и подлое, время.

...У Дианы Кан всякое упоминание воды связано с реками, ручьями, дождем... Малые — говорливые Татьяна, Криуша, Сухая Самарка, величественная Волга со своими притоками-воложками, песенный казацкий Урал-Яик, Москва-река, мертвящая живую влагу, что питает ее течение... Иные речки кажутся людьми, со своими повадками и житейской историей. Хотя их долгий век несопоставим с мгновенной человеческой жизнью. Они исподволь, как бы невзначай могут рассказать певцу многое о давнем времени, о людях былинного прошлого, о чудесных знамениях и пророчествах. Вода у Кан всегда течет, животворит, утоляет жажду и вместе с землей дарит крестьянину хлеб... Таинственная родовая стихия, вода связывает землю и небо, касается человека, омывает его, но в руки не дается, потому что является чем-то изначально живым, в отличие от любого иного предмета, даже луговой травы. По сравнению с измученным цивилизацией человеком, бег речной воды кажется мудрым и наивным одновременно... Речной говор перекликается с песенным словом, и шире — с народной речью. Поэт одухотворяется этой языковой средой, ее сокровенной правдой, исповедальной как в мистическом, так и в земном смысле, когда важно рассказать другому обо всем, что мучает твое сердце. Совершенно реальные земли и реки у поэтессы соседствуют с былинными образами. И если реальность, попадая в художественное произведение, становится некоей идеей, словно бы парящей над грубой земной поверхностью, то мистический антураж, совсем наоборот, превращается во что-то осязаемое — его можно не только видеть в деталях, но и потрогать рукой. Таковы два стихотворения Кан о реке Смородине и Пучай-реке. В них лирическая героиня предстает в виде воительницы, призванной остановить нашествие тьмы и смерти на Русь.

В славянской мифологии Смородина — река, отделяющая мир живых от мира мертвых; место обитания Чуда-Юда поганого — от Родины, Руси Святой. Через Смородину переброшен Калинов мост, а меж берегов течет огненный поток, кипящая смола (название реки от древнерусского слова «смород» — сильный, резкий запах, зловоние, смрад). У моста находится ракитов куст. По преданию, он вырос на самом первом на земле камне, выброшенном рыбой из моря. Это — место обитания птиц и животных, обладающих даром предвидения и особой силой. Среди них — Соловей-разбойник. Противостояние на Калиновом мосту, на реке Смородине есть вечная битва Добра и зла, в христианской мистике — происходящая в сердце каждого человека.

Перед нами — не только преддверие битвы с нечистью, но и сторожевой дозор: «Ракитов куст. Калинов мост. // Смородина-река. // Здесь так легко рукой до звезд // достать сквозь облака. // И — тишина... И лишь один // здесь свищет среди ветвей // разгульный одихмантьев сын // разбойник-соловей. //Почто, не зная почему, // ступив на зыбкий мост, // вдруг ощетинился во тьму // мой верный черный пес? // И ворон гаркнул в пустоту: // «Врага не проворонь!», // когда споткнулся на мосту // мой богатырский конь. // Здесь мой рубеж последний врос // на долгие века... //...Ракитов куст. Калинов мост. // Смородина-река».

Тишина, словно перед бурей, зловещий посвист соловья-разбойника, небо закрыто облаками. Но взор богатыря видит звезды сквозь тучи, и его рука, кажется, в состоянии достать до них. Здесь нет прозрачности природы, однако очевидна просвет-

ленность главного героя. И очертания его роста, несопоставимого с бытовыми представлениями. Важно понять существенную особенность этих метафизических контуров воина: он — не надмирен, а как бы «сквозьмирен» и способен проникать в своем шаге и взгляде и времена, и пространства. Образы рек, и в особенности Волги; лица простых людей, тянущих нелегкую жизненную лямку; печаль разорения и сердечное умиление красотой русского пейзажа; тяжкий труд униженных и оскорбленных соотечественников; почитание таинства свежего, теплого хлеба; любовь и ненависть, терпение и стоицизм — все слилось в некий художественно-бытийный поток, вдохновенный и властный. Такова поэзия Дианы Кан, в своей полноте и национальная, и православная... У Дианы Кан образная речь, по видимости, пряма и понятна, однако почти всегда в ее строках содержится отблеск метафизики, едва заметный надмирный знак, свободно соседствующий с реальным чередованием слов и ритмов, красок и предметов. Это как мимолетный жест или мгновенное изменение лица, когда за наглядным — вдруг приоткрывается бездна.

...Множество стихотворений Дианы Кан рассказывает читателю о скромных русских реках, в которых поэтесса видит приметы самых разнообразных людских характеров. Скромница Татьяна, ворчливая, тщеславная Вазуза, суетливые и старательные Самарка и Сок, погруженная в себя, неторопливая речка Моча. Мастерски развертывая сюжет, Кан словно бы ведет речь о дорожном попутчике, соседе, служивом человеке, о шумливой ребятне, оживляющей своими звонкими возгласами притихшую деревенскую улицу, порушенный городской двор. Она с поразительной легкостью поведает как будто житейскую историю, но внимательный взгляд обнаружит в одной ее стихотворной строфе точные координаты времени и пространства, нравственные вехи и выбор, перед которым замирает человеческое сердце. Бытовое незаметно раздвинет свои границы, подобно театральному занавесу, и бытие замерцает неясным светом, обнаруживая то один мистический знак, то другой. Это свойство присуще едва ли не каждому стихотворению Дианы Кан. Кажется, нет темы, которая не смогла бы развернуться в полноте и противоречиях под пером автора. Соединяя в собственном сознании и крови характер Востока с чувствами, воспитанными православной Русью, Кан словно бы дает современной русской литературе ключ к пониманию отдельных событий и исторических глав. Преодолевая внутренний мировоззренческий разрыв, она научилась сочетать страстность духовного подвижника с мягкостью православной мирянки, требование жертвы и самоотречения — со снисходительностью к человеческим слабостям.

Когда поэтесса говорит, что учится у русских рек двенадцати наречиям, — это не поэтическая фраза, а настойчивое вникание в историю людей и земли: «они всегда по-разному расскажут о Руси». Тут необходимо терпение и спокойное желание понять коллизии прошлого и настоящего. И Кан обращается к образу Волги: «Плывущая вдаль по просторам, как пава, // и речь заводящая издалека, // собой не тончава, зато величава // кормилица русская Волга-река. // По чуду рождения ты — тверитянка. // Слегка по-казански скуласта лицом. // С Ростовом и Суздалем ты, угличанка, // помолвлена злат-заповедным кольцом. // Как встарь, по-бурлацки ворочаешь баржи — //они и пыхтят, и коптят, и дымят... // Нет-нет, да порой замутится от сажи // твой, матушка, неба взыскующий взгляд...» Широкое, просторное сказовое повествование, неспешное и негромкое. И одновременно — учительское слово воды, в коем таится что-то надчеловеческое. Как и в других стихах Дианы Кан, река — нить, связывающая воедино разные племена и народы. И потому говор волжского течения — как праречь, интуитивно уловимая разноязычными людьми. Реалистический эпизод, рисующий героиню на берегу Волги, на редкость точен в деталях, свобода передвижения взгляда рассказчика очень естественна... Так и певцу, который дерзнул вести беседу с Волгой, должен быть присущ огромный метафизический рост. В противном

случае невозможно передать то уважение — почти семейное, по интонации идущее со стародавних лет, которое звучит в словах Дианы Кан, обращенных к Волге: «матушка». Также и дочернее стремление рассказать ей о самом потаенном («когда печаль-тоска сжигает душу, // и Волга-мать за далью не видна, // часами на Татьянку и Криушу // люблюсь из высокого окна»). Порой река предстает в образе старшей сестры или даже подруги... Называя речки-воложки своими сестрицами, лирическая героиня вместе с ними сливается в объятиях «с Волгой — матушкой родной»... Диана Кан попала на берега Волги из Оренбуржья. В стихотворениях о Самаре-мачехе она не раз упоминала о черствости этого города — примерно так, как принято говорить о Москве, бьющей приезжего с носка и не верящей слезам. Подлинный поэт всегда и везде одинок, нищ и горд. На Востоке хан может умертвить певца, здесь же толпа — множественный образ хама — в состоянии перекричать песню и затоптать ее автора тысячью снующих ног. Волга примиряет героиню с Самарой, умиротворяет душу и неожиданно дарит ей связь с землей, которая ее не желала и гнала. Диану Кан по праву можно назвать поэтическим голосом Волги, которая является для нее источником вдохновения и примером присутствия в мире. В образе главной русской реки поэтесса видит отражение «реки словесной», стремящейся стать полноводной, большой и сильной...

...Русская традиция с древних лет была одухотворена неосознанным присутствием Христа в обыденном человеческом распорядке, в семейном, домашнем укладе, и через Богородицу — в фигуре матери. Этот образ в поэзии Дианы Кан зримо привязан к Волге — матери русских рек. Однако речь поэтессы, обращенная к современникам, старым и молодым, содержит множество оттенков, которые подчеркивают сострадабельное и одновременно требовательное материнское начало ее лирики. Не показываясь портретно, в привычном облике зрелой женщины или согбенной старушки, голос Кан исходит словно бы от невидимой женской ипостаси — материнской души, которой дороги дети и внуки, малые и большие, далекие и близкие, живые и отошедшие в мир иной. Даже бесприютный ветер похож на сироту, которому не хватает теплоты и ласки: «Много ль, право, надобно ему? // Приголубь да обогрей дыханьем. // Да засунь в пустую котому. // Да утешь, как дитятко, сказаньем. // Ибо в мире все растет во сне... // Спи, родимый, чутким сном объятый! // Вырастешь и на большой войне // будешь своей родине солдатом...» Так повелось в многострадальной и долгой русской истории, что мальчики становились защитниками родины, а девочки держали дом на своих тоненьких плечах, растили ребятню и сохраняли землю-кормилицу в достоинстве и красоте. Этим мальчикам и девочкам, которых стоит воспринимать как неугасимую надежду на торжество русской Правды, посвящены проникновенные строки поэтессы: «О, эти чудо-одуванчики, // льняными бывшие и рыжими — // совсем как новобранцы-мальчики, // паленым ветром бриты-стрижены. // Они по отчим неудобиям // встают рядами поредельми. // Иль жмутся к воинским надгробиям // с их матерями поседельми. // Ужели им (уже не верится!) // под всхлипы вешнего соловушки // весной венки сплетали девицы // и водружали на головушки?... // Ужели совали им в карманчики // гостинцы ласковые матушки?... // Вчера лишь — маменькины мальчики... // Сегодня — русские солдатусшки. // Они взойдут на поле ратное // и сложат буйные головушки... // И отцветут цветочки ранние — // недолгие, как вдовьи солнышки».

Здесь присутствует некое общерусское материнство, пожалуй, не знакомое иноязычной литературе, которая ушла в частности — пусть порою очень важные, но расчленяющие народ на изолированные друг от друга судьбы. Тогда как в России чувство общей земли и доли всегда вело к единению людей, к возникновению неопостижимого родства, истоки которого — в христианской любви и подвиге. Православное «братья и сестры» светится в этих юных лицах: «Поднимутся ранешенько с

постели — // за всем в хозяйстве надобен догляд. // Они прядут тонешенько кудели. // Они белым-белешенько белят...» Это — глубинная Русь, как географически, так и духовно. Подо всем наносным, что легло черной печатью на облик русского человека, его «белое тело» не повреждено, так же как и сокровенная земля, однажды порученная ему Богом. Отблеск такого понимания отечественного бытия, чуткого и терпеливого, наполняет строки Дианы Кан... В стихотворениях поэтессы чрезвычайно много просторечных и диалектных слов, как услышанных где-то, так и новорожденных, впервые введенных в языковой обиход — литературный и разговорный. Русский язык в поэзии Кан резвится и радостно плещется, словно малое дитя в купели. Уже одно это дает ей ключ к отображению всего спектра глубокой и противоречивой русской жизни... Диана Кан — явление поэтически универсальное. В ее стихах постепенно возникает художественная полнота русского бытия на пороге Апокалипсиса.

Публикуется в сокращении

Эдуард Анашкин
(с. Майское Самарской обл.)

«...И ПЕЛА РУСАЛКА...»

Анашкин Эдуард Константинович — член Союза писателей России, лауреат литературной премии им. Гарина-Михайловского, премии журнала «Русское эхо». Автор книг прозы и литературной публицистики — «Вовкин поцелуй», «Запрягу судьбу я в санки», предисловие к которой написал лучший современный русский писатель Валентин Григорьевич Распутин, книги «Ангел с огненным мечом» и др., изданных в Самаре и Москве. Активно публикуется в московских и региональных изданиях России. Живет в селе Майское Пестравского района Самарской области.

*Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной.
И хотела она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.
...И пела русалка. И звук ее слов
Долетал до крутых берегов...*

Михаил Лермонтов

*...О себе, о любви, о России
Мне расскажет русалка моя...*

Евгений Семичев

*...Русалочка печальная моя,
Твои глаза нерусского покроя
Искрятся, как восточные моря,
Средь русского заснеженного моря...*

Евгений Семичев

...Я в реке живу, а не купаюсь...

Диана Кан

Последнее время меня занимает немаловажная, на мой взгляд, для понимания истоков творчества Дианы Кан тема, которая пока остается за рамками внимания литературной критики. Я говорю об русских народных истоках творчества Дианы Кан, и о теме воды, реки и напрямую связанную с водой и реками теме русалок, которые время от времени всплывают то в одном, то в другом стихотворении поэтессы. Причем, каждый раз в самом неожиданном ракурсе. На Троицу, за которой, как известно,

следует русальная неделя, взялся я как-то перечитывать стихи Кан, имеющиеся в моей домашней библиотеке. В русальную неделю по древним русским поверьям русалки выходят из воды, гуляют по полям, раскачиваются на ивах и березах, могут очаровать и увлечь за собой в реку беспечного путника и поминай, как звали его... Всю русальную неделю, по поверьям русского народа, купаться в реках и прудах ни в коем случае нельзя. А если уж идешь на реку, прихвати с собой «окаянную траву» полынь, запах которой отпугнет русалок. Это, конечно, легенды, но не в них ли заключена глубинная родниковая поэзия?.. На мой взгляд, далеко неслучайно тяготение творчества Дианы Кан именно к тем деревьям, которые в русском народе считаются «русальными» — березе, иве. Осознает ли сама поэтесса неслучайность своего предпочтения или нет, значения в данном случае не имеет. Важно то, что уже в ранних стихах Кан такое предпочтение очевидно: *«Быть просто березой на вашем пути — // Такой, чтобы вам ее не обойти, // Такой, чтобы взгляда не отвести // Хочу быть березой на вашем пути. // Быть грустной ивой над синим прудом, // Чтоб нежить в тени солнцем мучимый дом, // Чтоб думать, склоняясь, лишь о вас, об одном, // Быть грустной ивой над синим прудом...»* Спустя многие годы «древесно-русально-речное» преломление темы любви в стихах Дианы Кан просматривается не менее отчетливо. Вот, например, одно из новых стихов поэтессы, вошедшее в ее сборник «Обреченные на славу»: *«С южным ветром встречается огненный ветер востока. // И, обнявшись, идут шалобродить в окрестных дугах. // Растревожат и разбередят молодую осоку, // И заснут у задумчивой ивы в зеленых кудрях. // Убаюкает их, приголубит печальная ива, // Хоть никто из двоих ей не сужен, не нужен, не мил...»*

Традиционно в тему несчастной женской любви у Дианы Кан вплетена «русальная» речная тема. Лирическая героиня Кан стремится не просто уподобиться священным в народных поверьях славян деревьям — березе, иве. Героиня стихов Дианы как бы воплощается в эти приречные растения, становясь березой, ивой, осокой... Из мотива слияния с окружающим миром во многом проистекает неподдельное очарование стихов Дианы Кан, которое не могут до конца объяснить исследователи ее творчества. С темой русалок связана и определенная лунность многих стихов Кан, потому что русалки — создания, ведущие ночной образ жизни. Испокон веков луна у славян ассоциировалась с женским началом, как солнце — с мужским. Позднее мотив слияния со стихией родной природы проявится у поэтессы уже не только в плане лирики, но и в лироэпических стихах о русских реках, и, конечно, о главной русской реке Волге. Первым на размышления о теме русалочье-лунного аспекта лирики Дианы Кан навел меня критик Вячеслав Лютый еще в своем первом исследовании творчества поэтессы, которое называлось «Поручение»... Эпиграфом к «Поручению» были вынесены лермонтовские строки: *«...И звуков небес заменить не могли, // Ей скучные песни земли...»* Лермонтовское «лунное» начало ранней поэзии Дианы Кан очевидно: *«Подошел. Ресницы опустил. // Наклонился долу. // Робкие кувшинки положил // К моему подолу. // Он сказал: «Я видел вас вчера...// Вы купались... вы не рады встрече?...» // Он сказал: «Прохладны вечера...» // И накинул мне пиджак на плечи. // Стала даль упряма и чиста, // И заклято ала. // С чешуи змеиного хвоста тишина стекала. // Я сидела с ним на берегу. // Глаз поднять не смела. // Я клялась ему, что сберегу // Голубое тело. // Заживем в кувшинковом раю, // Милый мальчик, всем другим на зависть...// Бедный мальчик, баюшки-баю, // Я в реке живу, а не купаюсь»*. Последняя строчка этого раннего стихотворения — одно из первых упоминаний реки вообще в поэзии Дианы Кан. Это отмечает Вяч. Лютый в предисловии к книге «Обреченные на славу». Попутно уважаемый критик из Воронежа замечает весьма показательную особенность творчества Кан — полное отсутствие в ее стихах моря при обилии всевозможных рек, речек, речушек, прудов... Думаю, что такая особенность закономерна в творчестве поэтессы, в чьих жилах течет славянская

кровь. Древние славяне с древнейших времен обитали по берегам равнинных рек. Древнерусские русалки, в отличие от западноевропейских морских сирен, жили в пресной речной воде... Впрочем, русалка Дианы Кан — существо широкого ареала обитания, была бы пресная вода, как например, в стихотворении про ташкентское море: *«Ты сядешь за руль, и появится вскоре // Лазурною чашей ташкентское море. // Я лишь пригубить этой чаши хотела, // Но все пересилило жаркое тело. // Волною прибитое к берегу платье. // Мы с морем раскрыли друг другу объятия. // Напрасно ты с берега кличешь и плачешь. // Ты третий. Ты лишний. Ничто ты не значишь. // В полуденном солнце сверкнув чешуею, // Прощаюсь, прощаюсь, прощаюсь с тобою...»*.

Вполне естественно лирический герой повествования этого стихотворения волнуется за уплывшую далеко за горизонт подругу, боясь, что она утонула. Волнуется, потому что не знает, что она в реке (море, пруду и т. д.) живет, а не купается. *«Уже никого и ни в чем ни виню, // Молюсь навсегда уходящему дню. // И смотрят последние астры в саду // На то, как топиться хожу я к пруду»*.

И тут странновато с обычных позиций выглядит поведение лирической героини. Но странно такое поведение опять-таки только для обычной девушки, не для русалки, которая водную стихию воспринимает, как продолжение своего существа. Русалочья тема очень важна в творчестве поэтессы Дианы Кан еще и потому, что эта лирическая тема со временем продолжилась в творчестве Кан в эпической теме российских междуречий, реки-речи, как символа течения русской жизни, собирания народов-языков вокруг реки-речи. Тема Волги и Урала в творчестве Дианы Кан представлена не только в лунном, но и в солнечном свете. И не только в стихотворении про ташкентское море. Тема русалок и тема луны в творчестве Дианы Кан ненавязчиво, но соседствуют. Само имя Диана символизирует луну, что придает некую символическую подсветку многому из того, что написано Дианой Кан. А древнетюркское слово «кан» в Сибири является обозначением реки вообще. Лунная тема более ярко звучит в раннем творчестве поэтессы, символически ассоциируясь с той непростой сумеречной эпохой, которая выпала на долю поэтессы. Однако далее в творчестве Кан происходит метафизическое возвращение лирической героини к началу начал — тому солнечному яркому Светояру-Яриле, которому некогда поклонялись скифско-славяне, называемые Дианой Кан «обреченными на славу». *«Мы пасынки своей земли родной // Под блеклой остывающей луной // Немые тени на глухой стене. // И солнце, отбродившее в вине. // Отпело в скифских золотых веках // И запеклось на сомкнутых губах // Угрюмое славянское вино, // От коего в глазах темным темно. // Бредем ли пеше, скачем на коне, // Иль стынет в ледяном крещенском сне, // Полынного похмелья тяжкий вздох // Тревожит тишину былых эпох...»*.

Это одно из самых трагически «лунных» стихотворений Дианы Кан. И очень нетипичное для поэтессы, категорически несклонной к пессимизму. Но слова из песни, как и стихотворения из книги, не выкинешь. Показательно в этом стихотворении эпитет-определение похмелья — полынное. «Трава окаянная» в данном случае — образный оберег погрязшей во мраке родины, которую смута-русалка грозит безвозвратно утянуть на дно пучины. Но важно в данном случае не отдельно взятое трагическое стихотворение, а все более отчетливое движение творчества поэтессы от луны к солнцу, от безысходности к надежде. Тема лунного «русальства» в творчестве Кан особенно показательна в этом смысле. От него идет непреклонное движение лирической героини Кан в сторону солнечного «русофильства» — поклонения перед славной и трагической историей русской родины, вера в ее возрождение. Родина большая и родина малая в творчестве Кан нераздельны.

«Сладко спит, озаряемый полной луной, // Весь продутый ветрами поселок Степной...» — пишет Диана Кан об Оренбурге — городе, в котором на протяжении многих поколений жили ее предки-казаки. Этот город — поэтическая родина Дианы

Кан, ведь именно в Оренбурге, по ее признанию, она написала первые свои стихи, издала свою первую книгу, вступила в Союз писателей России. Полночный Оренбург в стихах поэтессы по-русалочьи и по-лермонтовски озарен полной луной и является, по сути, отражением самой Дианы Кан. Именно в этом лунно-русальном и речном свете совершенно иначе читаются многие стихи Кан о Согдиане, греческой античности, стихи о волках...

«...Мы шли во мраке, путая следы, // И шла за нами дикая охота. // Да, где ж ты Спиридон-солнцеворот, // Да сгинет нечисть под лучами солнца...// Но все всегда приходит в свой черед. // Так на Руси из века в век ведется. // Тогда хоть ты чужда добру и злу // Луна сиречь античная Диана. // Взойди на небо, разгоняя мглу, // Качайчим волчьим солнцем окаянным...».

С темой «русальства» связаны античные мотивы в творчестве поэтессы. В стихах Кан, навеянных античными мотивами, древнеславянские русалки трансформируются в древнегреческих нимф, которые тоже были жительницами рек и водоемов. *«...Под сенью оливы зеленой // К ручью наклоняется вниз // В свое отраженье влюбленный // Античный красавец Нарцисс. // И нимфа-насмешница Эхо // В предугрошенной знобкой тиши // Порой откликается смехом // На крик истомленной души».* Перекликается с темой «русальства» в творчестве Кан и тема ревности, воспоминания о юности и переживание ошибок юности: *«...Соперниц погубленных жалко. // Я в пруд с головою войду — // Там плещут хвостами русалки // В моем воспаленном бреду. // Которой из этих колдуний // Крадется, как тать в тишине, // В часы роковых полнолуний // Мой свет ненаглядный во тьме. // Лукавый дрожащий отравный, // Продрогиший на стылом ветру...// Захлопну высокие ставни. // От ревности лютой умру...».*

Это, казалось бы, исключительно лирическое стихотворение показательным тем, что в нем омутно темная лунная русальная тема вдруг начинает обретать движение в сторону света. Да, пока еще свет видится лирической героине «лукавым» и «дрожащим», но важно само движение. Отношение к русалкам в народе разное. Древние славяне опасались этих «бледных дев», считая, что они губят заплутавших путников. Полюбивший русалку человек считался пропащим для мира людей. С другой стороны считалось — там, где русалки бегали и резвились, трава росла гуще и зеленее, а хлеба рожались обильнее. Русалка Дианы Кан уникальна, она не боится солнечного света, она радуется не только закату, но и рассвету: *«Надменной Волги кроткое лобзанье // Босой ногою сладко ощутив, // Стою на берегу июньской ранью...// Щенком в колени тычется прилив. // Вовек себе не знающая равных // Могучая свободная река — // Все ей к лицу — надменная державность // И нежность беззащитного щенка. // Здесь ветерка сквозное дуновенье // Хранит пьянящий аромат ухи. // Здесь так легко в приливе вдохновенья // Стихия превращается в стихи...// По плесам бегать, ноги обжигая, // Секретничать с прибрежным камышом. // Хоть он не сват, не брат мне, не приятель, // Я с волжским камышом накоротке. // Мне рядом с ним не стыдно, скинув платье. // Плескаться по-русалочьи в реке. // И знать, что ни в одном из всех течений // Мне Волга, исповедница моя, // Не станет изрекать нравочений, // Приняв меня такой, какая я».*

После того, как моя статья о водно-русалочьей составляющей поэзии Дианы Кан была напечатана в московской газете «Российский писатель», Диана Кан как-то позвонила мне и рассказала следующий случай, недавно приключившийся с ней. В качестве лауреата всероссийской премии «Служение России» имени святого благоверного князя Александра Невского Диана в Санкт-Петербургской Александро-Невской Лавре, где проходила церемония вручения, встретила с выдающимся современным русским прозаиком Владимиром Николаевичем Крупиным, который в этот же год стал лауреатом премии святого благоверного князя Александра Невского в номинации «Проза». «Крупин подарил мне свою новую книгу, времени было мало, поэтому

мы побеседовали накоротке, Владимир Николаевич не досидел до конца церемонии награждения, у него был поезд на Москву, а оттуда он должен был ехать в Вятку. Почему-то он заговорил о Русском Расколе, о протопопе Аввакуме и патриархе Никоне, они, оказывается, были самыми что ни на есть близкими земляками, из одной нижегородской деревни. И если у Аввакума в роду было несколько поколений православных предков, то Никон говорил, что он тоже очень русский. А на самом деле, как выяснили позднее историки, реформатор русского православия патриарх Никон был сыном черемиса и русалки. Вот Крупин меня почему-то и спросил: «А кто такие русалки, Диана?» Я пожала плечами: «Ну, рыбы, наверное. А, может, морячки, поморки?..». Крупин улыбнулся и сказал: «Русалками на Святой Руси называли некрещеных русских женщин». Тут началась церемония награждения, и мы были вынуждены прервать разговор... А потом уже, когда я получила газету «Российский писатель», где была опубликована статья про русалок и про меня, я поняла, что Крупин ко времени нашей встречи успел прочесть эту статью, потому заговорил о русалках. Но я крещеная верующая православная женщина, Эдуард Константинович! Какая же я русалка?..»

Мне вполне понятно недоумение Дианы Кан с позиций канонического Православия. Но русская поэзия шире всех конфессиональных канонов. И я, нисколько не пытаясь умалить православного чувства Дианы Канн, тем не менее читаю, что нельзя в полной мере понять ее стихи о русских междуречьях и Волге без учета «русалочьей» составляющей творчества. Потому что слова не выкинешь из песни. Прочитаю в качестве примера одно из «титულных» стихотворений Дианы Кан «Сказ о Волге»: *«Плывущая вдаль по просторам, как пава, // И речь заводящая издалека, // С собой не тончава, зато величава // Кормилица русская Волга-река. // По чуду рождения ты — тверитянка. // Слегка по-казански скуласта лицом. // С Ростовом и Суздалем ты, угличанка, // Помолвлена злат-заповедным кольцом. // Как встарь, по-бурлацки ворочаешь баржи. // Они и шумят, и копят, и дымят. // Нет-нет, да порой замутишься от сажки // Твой, матушка, неба взыскующий взгляд. // Устанешь под вечер... Позволила б только // Водицы испить с дорогого лица. // Красавица Волга, работница Волга, // Заботница Волга, сказительница... // ...Мила твоя речь о былинных верховьях. // О том, как роднишься в Москвою-рекой. // И как в астраханских твоих понизовьях // Цветет дивный лотос, омытый зарей...»*

В дельте Волги цветет кувшинка, которую лирическая героиня Дианы Кан (поэтессы, родившейся, на Востоке) склонна принять за восточный цветок лотос. На научном языке кувшинку называют нимфеей. Так тема нимф и русалок снова возникает в волжских стихах Дианы Кан, как естественное начало и продолжение темы Волги — колыбели славянских мифов.

